

УДК 33:332.1

А. Е. Брызгалова

Экономическое обоснование создания оборонной "опорной зоны" развития Арктического региона России

A. E. Bryzgalova

The economic substantiation for creating defense "support zone" of the Arctic region of Russia

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы перехода от доказавшего свою неэффективность "непрерывного" развития территорий Крайнего Севера России к "очаговому" развитию, основанному на концентрации ресурсов в пределах якорных секторов регионального хозяйства. Доказан оборонный профиль Кольской "опорной точки", входящей в систему восьми "опорных зон", локализованных соответственно в каждом арктическом субъекте Российской Федерации. С позиций новой экономической географии обосновано значение коммуникационной сети для обеспечения эффективного функционирования военно-морских арктических закрытых административно-территориальных образований, выступающих ядром "опорной точки" оборонного значения.

Abstract. The paper considers the theoretical foundations of the transition from "continuous" development of the Russian territories of the Far North that proved to be ineffective to the "focal" development based on the concentration of resources within the anchor sectors of the regional economy. The defensive specialisation of the Kola "bearing point" which is a part of the system of eight "bearing zones" located respectively in each of the Arctic regions of Russia is being proved. The value of communication networks in ensuring the effective functioning of naval Arctic closed cities as a core of the defense "bearing point" is discussed from the standpoint of the new economic geography.

Ключевые слова: Западная Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, "опорные точки", "опорные зоны", закрытые административно-территориальные образования, теория новой экономической географии.

Key words: Western Arctic, Arctic zone of Russia, "bearing points", "bearing zones", closed cities, theory of new economic geography.

Введение

Лучшая характеристика текущей международной обстановки, которая из фазы обострения постепенно переходит в новое, пусть недружественное, но все же относительно равновесное состояние – "прогрессирующий распад созданной в двадцатом веке конструкции региональной и глобальной безопасности"¹. Для современной картины мира в целом характерно расширение конфликтного пространства, которое сопровождается активным использованием гибридных войн, когда военные методы ведения кампании дополняются механизмами экономического давления, дипломатическими средствами, изощренными и стремительными информационными и кибернетическими операциями. При этом Мировой океан и морские ресурсы все чаще становятся зоной противостояния ведущих мировых держав. Данное утверждение полностью справедливо и в отношении арктического пространства.

Стратегическая значимость арктического регионального направления определяется особой важностью обеспечения свободного выхода российского флота в Атлантику, решающей ролью Северного флота в обороне государства с морских и океанских направлений, огромными запасами углеводородов на арктическом шельфе (в Арктике сосредоточен примерный объем неразведанных нефтегазовых запасов порядка 413 млрд баррелей нефтяного эквивалента, или около 22 % совокупных неразведанных запасов традиционных углеводородов в мире, из них 13–15 % общемировых запасов традиционной нефти и около 30 % общемировых запасов природного газа), а также возрастающим значением морских коммуникаций в Арктике.

Для России пространственное освоение Арктической зоны является стратегическим фрагментом долговременной политики по сохранению и наращиванию национального экономического и геополитического потенциала [1].

¹ Выступление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации на тему "Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации в современных условиях" [Электронный ресурс] // Минобороны России : официальный сайт. URL: <http://mil.ru/pubart.htm?id=12016246@cmsArticle>.

Переход от "непрерывного" к "очаговому" развитию пространства Западной Арктики

Стратегическая геополитическая и экономическая роль арктического региона обусловила создание в марте 2015 г. Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, целями деятельности которой являются защита национальных интересов России, реализация Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике и "кардинальное повышение эффективности государственного управления в Арктической зоне", что свидетельствует об актуальной потребности пересмотра применяемых ранее принципов развития региона. Примечательно, что председателем комиссии назначен заместитель председателя Правительства РФ Дмитрий Rogozin, курирующий в числе прочих вопросы судостроения и морской деятельности, а также деятельности оборонно-промышленного комплекса.

В рамках первого в 2016 г. заседания Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, которое состоялось 9 марта в г. Мурманске, было официально заявлено о смене парадигмы с доказавшего свою неэффективность в экстремальных условиях Крайнего Севера "непрерывного" развития региона на "очаговое" развитие пространства. Далеко не новая в теории, но достаточно непривычная для текущей госполитики концепция подразумевает применение территориально-кластерного принципа, максимально адаптированного к условиям Российской Арктики, а именно создание "опорных зон" ("опорных точек") хозяйственного освоения пространства.

В теоретическом плане определение "опорных зон" исходит из концепции "полюсов роста" (по Ф. Перру – компактно размещенных и динамично развивающихся отраслей промышленности и отдельных предприятий, в которых сосредоточен "импульс развития", оказывающий влияние на территориальную структуру хозяйства и ее динамику). Указанная концепция впервые была привязана к конкретному географическому пространству французским экономистом Ж. Будвилем [2]. Это положило начало дальнейшему переходу к концепции поляризованного экономического пространства, обеспечивающего опережающее развитие полюсов экономического роста, при котором концентрация ресурсов осуществляется в пределах якорных секторов регионального хозяйства, обладающих максимальным мультипликативным эффектом, стимулирующим развитие экономического пространства вокруг себя.

По М. Портеру [3], использование территориально-кластерного принципа подразумевает специализацию регионов именно в тех сферах, в которых они конкурентоспособны. При этом экономическая политика, основанная на территориальных кластерах и иных формах поляризованного развития пространства, в сравнении с традиционным отраслевым подходом подразумевает достаточную автономию на региональном уровне – кластеры формируют на территории региона своеобразный каркас, детерминирующий направления развития всех секторов экономики.

Специфика социально-экономического освоения Арктической зоны России заключается в экстремальных природно-климатических условиях, отдаленности и низкой транспортной доступности территории, неравномерном характере промышленно-хозяйственного освоения, а также предельно низкой плотности населения при высокой дисперсности расселения. Эти особенности обозначены, в частности, в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу.

Долгосрочная тенденция сокращения численности населения, в последние годы уступившая место незначительному приросту населения, в целом является стратегической угрозой национальной безопасности России в связи с нарастанием тенденции "оставления земель за конечным малолюдством". Например, на текущий момент демографическая (по плотности населения) величина давления сопредельных территорий Китая на Дальний Восток России – федеральный округ с наименьшей по стране плотностью населения – является огромной (140 против 1), а локализовано вдоль Транссиба еще больше. Аналогичная ситуация может сложиться и в Арктике на континентальных российско-финляндских и морских российско-норвежских пространствах. На данный момент средняя плотность населения регионов, полностью либо частично отнесенных к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации, составляет 1,6 чел. на 1 км² и значительно варьируется по отдельным субъектам – от 0,1 чел. на 1 км² в Чукотском автономном округе и 0,2 чел. на 1 км² в Ненецком автономном округе до 2,8 чел. на 1 км² в Архангельской области и 5,3 чел. на 1 км² в Мурманской области (для сравнения: плотность населения по стране в целом составляет 8,5 чел. на 1 км², в Северо-Западном федеральном округе – 8,2 чел. на 1 км², в Сибирском федеральном округе – 3,8 чел. на 1 км², в Дальневосточном федеральном округе – 1 чел. на 1 км²).

Исходя из сложившейся системы коммуникаций, ресурсной базы, социально-экономических параметров развития территорий Арктической зоны России, предлагается выделить восемь "опорных

точек" ("опорных зон"): Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Таймыро-Туруханская (или Норильская), Северо-Якутская и Чукотская.

"Опорные зоны" локализованы соответственно в каждом из восьми арктических субъектов РФ. Указом Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 в состав Арктической зоны РФ полностью включены территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, частично – территории Республики Коми (городской округ "Воркута"), Республики Саха (Якутия) (Аллаиховский, Анабарский национальный (Долгано-Эвенкийский), Булунский, Усть-Янский улусы (районы), а также Нижнеколымский район), Красноярского края (городской округ г. Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий и Туруханский муниципальные районы), Архангельская область (Архипелаг Новая Земля, г. Архангельск, г. Северодвинск, г. Новодвинск, Мезенский, Онежский и Приморский муниципальные районы).

Развитие Кольской "опорной точки" оборонного профиля

"Опорные точки" создают неповторимый облик того или иного региона Арктической зоны России, выступая локомотивом социально-экономического развития на данном пространстве. Именно поэтому ключевым условием эффективной реализации обновленной редакции Государственной программы "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" является правильное определение якорных "опорных точек" развития регионального пространства. Так, в качестве I этапа реализации программы на 2016–2017 гг. предусмотрена разработка концепций создания и функционирования "опорных зон" в Арктике.

Исходя из ключевых секторов региональной специализации территорий Арктической зоны России, возможно выделение одного из трех якорных объектов "опорной зоны" – ресурсодобывающего комплекса, системы морских коммуникаций, включая портовую инфраструктуру, и оборонного комплекса.

Основу Кольской оборонной "опорной зоны" составляют пять "военно-морских ЗАТО": Александровск, Видяево, Заозерск, Островной и Североморск.

В советский период освоение Арктической зоны России рассматривалось в первую очередь с позиции военно-стратегических интересов страны. Города "закрытого" типа на территории Кольского полуострова формировались как военно-морские базы (пункты постоянного базирования) в связи с военными действиями на Севере в годы Первой мировой войны, в предвоенные 30-е годы, с началом Великой Отечественной войны, а по ее окончании вплоть до настоящего момента – в связи с выходом Северного флота в просторы Мирового океана.

Сейчас военно-морские арктические ЗАТО становятся ядром "опорной точки оборонного значения", решая комплекс общенациональных задач – поддержание боеготовности морской составляющей "ядерной триады" России (атомные подводные ракетоносцы) – и региональных – силовое обеспечение регионального присутствия России в Арктике, защиты акватории и арктического побережья.

По состоянию на 1 января 2016 г., на Северном флоте базируется 59 % подводных сил России и 19 % боевых кораблей и катеров². В составе морской авиации – более 70 самолетов и около 40 вертолетов. На Кольском полуострове также дислоцированы 200-я отдельная Печенгская мотострелковая бригада, 61-я бригада морской пехоты в п. Спутник, 80-я отдельная арктическая мотострелковая бригада в с. п. Алакуртти и другие, а также погранвойска. Численность населения только самих закрытых городов, без учета других воинских формирований, составляет более 16 % общей численности населения Мурманской области.

При этом текущие геополитические условия определяют повышение значимости Северного флота в обеспечении национальной безопасности России, что влечет за собой развитие технической оснащенности флота и наращивание дислоцированного на Кольском Севере воинского контингента. Заместитель главнокомандующего ВМФ России вице-адмирал Александр Федотенков в ходе пресс-конференции, посвященной итогам деятельности ВМФ в 2015 г., обозначил, что в текущем году первостепенное значение будет уделено развитию группировок атомных ракетных стратегических подводных лодок и атомных многоцелевых подводных флотов Северного и Тихоокеанского флотов. В 2015 г. значительно усилилась составляющая ВВС и ПВО Северного флота за счет создания новых формирований и воинских частей, поступления на вооружение современной боевой техники: зенитных ракетных комплексов С-400 "Триумф", истребителей МиГ-29К, беспилотных летательных аппаратов. За прошедший год в 1,5 раза возросла интенсивность плавания атомных подводных лодок Северного флота.

² Боевые корабли Российской Федерации – 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russianships.info/today/>.

Обеспечивающее значение в поддержании боеготовности Северного флота имеет региональный оборонно-промышленный комплекс, представленный судоремонтными предприятиями, в том числе СРЗ "Нерпа" – головным филиалом ОАО "ЦС "Звездочка", 35 СРЗ – филиалом ОАО "ЦС "Звездочка", ОАО "10 СРЗ", ОАО "82 СРЗ", ОАО "195 РЗ РАВ" и ОАО "Северный арсенал". Общая численность занятых в судоремонте составляет более 3 тыс. человек.

Таким образом, основой регионального хозяйства являются объекты оборонного профиля, при этом Кольская "опорная зона" должна быть выделена именно по критерию максимальной оборонной нагрузки территории с определением дислоцированных в регионе сил и средств военно-морского флота в качестве якорного объекта пространственного развития.

Значение системы коммуникаций для развития "опорных точек" арктического пространства России

Учитывая указанные черты расселения и промышленного развития, а также общую протяженность арктического побережья в 22,6 тыс. км и ее размеры (площадь сухопутной территории Арктической зоны составляет 3,1 млн км², т. е. более 18 % территории России), основополагающим условием рационального развития арктического регионального пространства является обеспечение соответствующей системы коммуникаций, включающей сеть транспортных, навигационных и иных объектов, что применительно к "опорной точке" оборонного профиля приобретает стратегическое общенациональное значение.

Тезис о том, что основой регионального развития выступает система коммуникаций, является основным положительным утверждением пространственной экономики. Производства размещаются в некоторых точках регионального пространства, причем коммуникационная сеть создает для предприятий, локализованных на данной территории, возможность получения средней по экономическому пространству нормы прибыли при прочих равных условиях.

Базовые экономические модели данного утверждения – "потенциал рынка" Дж. Харриса [4] и "базовый мультипликатор" регионального дохода А. Преда [5]. Новый фактор территориального развития, а именно доступность к рынку сбыта или "потенциал рынка", обогатил региональную науку двумя разнонаправленными выводами – с одной стороны, производство концентрируется на доступных к рынку территориях, с другой стороны, рыночная инфраструктура и доступ к рынку сами являются факторами концентрации производства. "Базовый мультипликатор" регионального дохода связал экономическое развитие территории с экспортом, импортом и в целом доходом, приносимым внешнеэкономической деятельностью, на основе которого формируется мультипликатор. Хотя эти положения были известны и ранее, принципиальные основы новой экономической географии были заложены только в начале XXI в. в работах П. Кругмана, объединившего теории Дж. Харриса и А. Преда, а также труды основателя российской школы пространственной экономики академика РАН А. Г. Гранберга и его последователей.

По П. Кругману [6], по мере диверсификации системы коммуникаций формируется региональная агломерация. Экономический смысл теории региональных агломераций заключается в том, что при их возникновении значительно большую сравнительную роль играет доступ к рынку (или развитость системы коммуникаций), а не эффект от масштаба производства, транспортные издержки и мобильность факторов производства. При этом важно подчеркнуть, что система коммуникаций понимается в расширительном смысле как совокупность разнородных способов связи локализованных в пространстве систем и включает в себя не только транспортную доступность (что, несомненно, критически важно при обеспечении снабжения сил и средств ВМФ), но и производственную, социальную инфраструктуру и институциональные составляющие. Такой подход обеспечивает "очаговое" развитие Арктики и экономическое присутствие России в этом регионе при согласовании экономической и оборонной деятельности в пределах пространства "опорной точки" военно-морских ЗАТО.

Агломерация понимается как территория, включающая город-ядро или несколько таких городов и совокупность очагов городской среды, объединенных в территориальном смысле и обладающих общностью хозяйственных, социальных и инфраструктурных связей (для городских агломераций), или как единая целевая система поселений, созданная для хозяйственного освоения регионального пространства и создания комфортной среды для проживания.

Заключение

Таким образом, рациональное развитие ЗАТО как территорий, созданных для обеспечения защиты и бесперебойного функционирования стратегических ядерных вооружений (инфраструктурная составляющая) и имеющих соответствующий особый правовой режим (институциональная составляющая), согласно теории новой экономической географии является ключевой составляющей коммуникационной сети экономического освоения регионального пространства Западной Арктики в рамках Кольской "опорной зоны" оборонного профиля.

Библиографический список

1. Минакир П. А., Горюнов А. П. Пространственно-экономические аспекты освоения Арктики // Вестник МГТУ. 2015. Т. 18, № 3. С. 486–492.
2. Boudville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh, 1966. 192 p.
3. Porter M. E. Russian competitiveness: Where do we stand? / Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School. U.S.-Russian Investment Symposium. Boston : Massachusetts, 2003.
4. Harris G. D. The market as a factor in the localization of production // Annals of the Association of American Geographers. 1954. V. 44.
5. Pred A. R. The spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth. 1800–1914. Cambridge : MIT Press, 1966. P. 188.
6. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–126.

References

1. Minakir P. A., Goryunov A. P. Prostranstvenno-ekonomicheskie aspekty osvoeniya Arktiki [Spatial and economic aspects of the Arctic development] // Vestnik MGTU. 2015. V. 18, N 3. P. 486–492.
2. Boudville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh, 1966. 192 p.
3. Porter M. E. Russian competitiveness: Where do we stand? / Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School. U.S.-Russian Investment Symposium. Boston : Massachusetts, 2003.
4. Harris G. D. The market as a factor in the localization of production // Annals of the Association of American Geographers. 1954. V. 44.
5. Pred A. R. The spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth. 1800–1914. Cambridge : MIT Press, 1966. P. 188.
6. Krugman P. Prostranstvo: posledniy rubezh [Space: The final frontier] // Prostranstvennaya ekonomika. 2005. N 3. P. 121–126.

Сведения об авторе

Брызгалова Анастасия Евгеньевна – Мурманский государственный технический университет, Институт экономики, управления и права, кафедра экономики, аспирант; e-mail: bry-anastasiya@yandex.ru

Bryzgalova A. E. – Murmansk State Technical University, Institute of Economics, Management and Law, Department of Economics, Ph.D. Student; e-mail: bry-anastasiya@yandex.ru